

М. Н. Крылова

**ОБРАЗЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ:
ФРАГМЕНТЫ СЛОВАРЯ ОБЪЕКТОВ СРАВНЕНИЙ**

С момента распада СССР прошло более двух десятилетий. Это время, достаточное для того, чтобы люди, жившие при СССР, многое переосмыслили, что-то забыли; чтобы выросло новое поколение, для которого советская эпоха — исторический период, мало чем отличающийся от Великой Отечественной войны или времени правления Петра I.

Сейчас, по прошествии стольких лет, нам интересно, какое место занимает советская эпоха и её образы в ментальном мире современной языковой личности, в её сознании и подсознании; какой отпечаток наложили различные моменты истории СССР на бытие человека современного общества.

Ответ на эти вопросы может дать антропоцентрический, лингвокультурологический подход к современному языку, позволяющий рассматривать его как особую семантическую систему, основные явления которой соотносятся с говорящим индивидом, а используемые последним языковые средства выступают как полностью определяемые его личностью, духовностью, менталитетом, культурными потенциями. По мнению Е. С. Кубряковой, антропоцентризм знаменует «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [1, 212].

Сравнительные конструкции как одно из ярчайших явлений языка способны выполнять функцию отображения культурно-национальной ментальности носителей языка, отражать состояние и динамику менталитета. Ещё Э. Сепир писал: «В некотором смысле система культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию» [3, 260]. Речевое поведение современной языковой личности, проявляемое через машинальный и неосознанный выбор объекта сравнительной конструкции, отражает культурные особенности личности.

Мы проанализировали более 6200 сравнительных конструкций, используемых различными носителями современного русского языка в разнообразных его проявлениях: художественной литературе, средствах массовой информации, устной речи. На основании анализа данного языкового материала нами составлен словарь объектов сравнений, фрагмент которого приведён далее. Словарь насчитывает около 2500 единиц. Объекты сравнений

расположены в алфавитном порядке, далее в скобках указано количество сравнений с данным объектом в анализируемом материале, далее — пример (один из примеров) с указанием источника. Сравнительная конструкция выделена в примере курсивом.

Приведённый ниже фрагмент содержит только те объекты сравнения, которые связаны с советской эпохой и позволяют исследователю оценить то, как отражается в мировосприятии современной языковой личности период существования Советского Союза. В перечень мы не включили образы, связанные с Великой Отечественной войной, понимая их как отдельный пласт явлений.

Батяка Махно (2): Это мои. Пять человек с оружием. — Уж догадываюсь, что *не батяка Махно!* (О. Маркеев. Чёрная луна).

Белогвардеец (1): Клавдия ещё некоторое время бежала за ним, *как оставший белогвардеец за последним пароходом в Стамбул* (Т. Устинова. Миф об идеальном мужчине).

Брежнев (3): Он был шутом, но не был таким ничтожеством, *как Брежнев* (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца).

Броненосец «Потёмкин» (1): ...В школах и в армии учеников и курсантов перестанут, *как на броненосце «Потёмкине», травить гнилым мясом?* (г. «Аргументы и факты», В. Костиков).

Бронепоезд на запасном пути (1): Впрочем, даже у людей, которые пользуются альтернативными моделями браузеров, всё равно в хлеву стоит ослик ИЕ — *как бронепоезд на запасном пути* (А. Левин. Самоучитель работы на компьютере).

Будённый (1): Порог — он штука опасная, особенно когда на него вот так, *побудённоски*, можно сказать, лезут (г. «Моя весёлая семейка»).

Власть советская (3): ...Америка, *как советская власть*, отучает помнить о титулах и голубой крови... (Н. Климонтович. Дорога в Рим).

Война гражданская (1): У Вовчика тут, *как в гражданскую*, кипятком потчуют (В. Ломов. Музей).

Генсек (2): ...Полномочия президента больше, *чем у советского генсека* и египетского фараона (Г. Зюганов).

Герой соцтруда (1): Гастарбайтеры страдали: / Выводили их силком. / Без наград и без зарплаты, / *Как героев соцтруда* (песня группы «ДДТ»).

Гимн Советского Союза (1): Его баню «рожа красная» знала вся страна, *как гимн Советского Союза* (телепередача «С днём рождения, Сергеич!»).

Годы пятилеток (1): Работали, *как в лучшие годы пятилеток* (телесериал «Я тебя люблю»).

Граждане советские (1): И в случае одобрения годами стоят в очереди, *как советские граждане за автомашиной или квартирой* (Э. Рязанов. Подведенные итоги).

Доска почёта (1): Марина плоская, *как доска почёта* (г. «Моя весёлая семейка»).

Замполит (1): Язык подвешен, *как у замполита* (г. «Копилка»).

Инженер советский (1): ...Его ресурсы, по-моему, еще скуднее: у него не работала жена, были две дочери на выданье, а получал он *как советский инженер средней руки* (Н. Климонтович. Далее — везде).

Коллективизация (1): Никогда не забывая об опасности, которая от нее исходит, правильная власть не только, *как при коллективизации*, пыталась силой оторвать землю от человека, но и выровнять, упростить, снивелировать ее (В. Шаров. Воскрешение Лазаря).

Комиссары красные (1): Конечно, некоторые и в самом роскошном ресторане ведут себя *как красные комиссары на переговорах с буржуями*: ни манер, ни желания их приобрести (С. Лукьяненко. Ночной Дозор).

Крейсер «Аврора» (1): Был бы рад ещё порезвиться на сексуальном фронте, но годы уже не те, а я, *как крейсер «Аврора»*, давно на приколе... (г. «Моя весёлая семейка»).

Ленин (9): Сын, будь молодцом, учись, *как Ленин* (телесериал «Кодекс чести»).

Мавзолей (3): Не без усилия, как будто за пятнадцать минут разговора едва ли не впал в дряхлость, он поднимается и идет к своему нерушимому, *как Мавзолей*, столу секретаря ЦК и члена ПБ (В. Аксенов. Негатив положительного героя).

Матрос Железняк (1): Слова эти он произнёс *с прямой матроса Железняка*... (О. Маркеев. Чёрная луна).

НКВД (1): В моём кабинете *как будто НКВД проводило обыск* (Ю. Антонов, интервью).

Петька с Василием Ивановичем (1): А настоящий бурбон кто ж стаканами, *как Петька с Василием Ивановичем?* (Ю. Никитин. Человек с топором).

Пионер, пионерка (12): Ни в коем случае, — твёрдо, *словно пионер во время принятия своей первой в жизни присяги*, сообщил я (О. Таругин. Тайна седьмого уровня).

Партноменклатура (1): Оттого-то иные из них, уже познавшие вкус власти, смотрят сейчас на своих политических прародителей, *как советская партноменклатура* — на старых большевиков: снисходительно, с тайной усмешкой (г. «Российская газета»).

Политбюро (1): Сидим, *как в политбюро*, со всеми удобствами (телесериал «Я телохранитель»).

Программа «Время» (1): Вы привыкли, *как к программе «Время»*, чтобы вам в одно и то же время то же самое говорили (телепередача «Малахов+Малахов»).

Революция (1): У нас был свой, азиатский, страшный, *как наша революция* (Э. Радзинский о Сталине).

Репрессии сталинские (1): Иногда такие проблемы в порошок стирали кого-нибудь из знакомых. Причём целыми семьями, *как во времена сталинских репрессий* (Т. Устинова. Миф об идеальном мужчине).

Родина-Мать (1): Она вошла к нему и... разинула рот, *как Родина-Мать на Мамаевом кургане* (Л. Соболева. Будет ночь — она вернётся...).

Советский (4): Всё *по-советски* скромно (телепередача «Модный приговор»).

Социализм (1): ...Всего-то начало шестого утра. Нормальные люди спят, *как при социализме* (О. Андреев. Отель).

Сталин (6): Хотя твой папка наверняка способен отказаться от тебя — *как Сталин от своего попавшего в плен сына* (В. Громов. Компромат для олигарха).

Сталинская эпоха (1): ...Фигуры, *как у скульптур ударников коммунистического труда сталинской эпохи* (О. Маркеев. Чёрная луна).

Стаханов, стахановец (5): Даешь ежедневно стране угля, мелкого, но много, а не упираешься, *как стахановец*, один раз для рекорда, – ну и чем это не подвиг? (ж. «Знамя»).

Тридцать седьмой год (2): Вам дай волю, вы всех перестреляете, *как в тридцать седьмом* (О. Маркеев. Чёрная луна).

Троцкий (1): Очень ценю твои усердия, но ты же видишь, что мальчишка врёт, *как Троцкий* (телесериал «Тюрьма особого назначения»).

Феликс железный (1): Что-то я в последнее время стала *как железный Феликс* (И. Отиева, интервью).

Хрущёв (2): Эту сцену с копытом художнику она рассказывала, смеясь: я колотила, я стучала по спине модным, толстым каблуком, *как Хрущев ботинком в ООН* (И. Лиснянская. Величина и функция).

Ширпотреб (1): Это дорогая женщина, *а не ширпотреб* (устная речь).

Материал словаря даёт нам возможность попытаться проанализировать, какое место занимает советская эпоха и её образы в ментальном мире современной языковой личности. Для этого важен как количественный, так и качественный анализ.

Количественный анализ показывает достаточно частый выбор в качестве объекта сравнения образа, связанного с периодом советской власти. Число сравнений, связанных с объектами эпохи СССР, составляет около 1,3 %. Качественный анализ употребления данных сравнений демонстрирует несколько особенностей.

Многие образы, связанные с советской эпохой, в современном языке выступают как символы. Мавзолей — символ нерушимости, величия, постоянности чего-либо, например: *Ему как мавзолей земля — / На миллион веков, / И Млечные Пути пылят / Вокруг него с боков* (А. Яковлев. Омут памяти). Правитель советского государства – символ безграничной власти,

например: *...Полномочия президента больше, чем у советского генсека и египетского фараона* (Г. Зюганов, интервью). Советские дети — символ наивности, легковерия, чистоты помыслов, например: *Они верят в это так чисто и свято, как советские школьники верили в то, что СССР – лучшая в мире страна, а коммунизм – лучший в мире режим* (О. Панфилова. Америка от А до Я). Доходы советских людей — символ скудности, бедности, например: *...Его ресурсы, по-моему, еще скуднее: у него не работала жена, были две дочери на выданье, а получал он как советский инженер средней руки* (Н. Климонтович. Далее — везде).

Один и тот же объект может трактоваться по-разному: и положительно, и отрицательно, иметь различные основания сравнения. Например, образ советской власти воспринимается как что-то бесчеловечное: — *К ней по-человечески, а она... Ну прямо как советская власть* (Б. Левин. Блуждающие огни); ассоциируется с просчётами, неверными действиями: *И получится, что, кроме ошибок, я, как советская власть, ничего не совершила* (ж. «Звезда»), а других случаях выступает символом демократии, отсутствия сословных предрассудков: *...Америка, как советская власть, отучает помнить о титулах и голубой крови...* (Н. Климонтович. Дорога в Рим).

Действительно, советскую эпоху можно воспринимать двояко: застой, политическое однообразие, истребление инакомыслия сочетались с невероятными производственными свершениями, военными победами, культурными, спортивными и социальными достижениями. Однако современный носитель языка чаще вспоминает плохое, что было в эпоху СССР, и связанные с советским временем объекты чаще имеют отрицательную трактовку, например: *И в случае одобрения годами стоят в очереди, как советские граждане за автомашиной или квартирой* (Э. Рязанов. Подведенные итоги); *...в ранних рассказах Рубиной действие было медленным, вязковатым, бессобытийным, как советская жизнь в семидесятых* (ж. «Новый Мир»); *Наша семья на своей шкуре испытала изменчивость фортуны в форме канонической планомерной травли по-советски* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания).

Особое значение для современной языковой личности имеют образы персоналий, ассоциируемых с советским временем. Для нашего соотечественника вообще всегда значительна личность — как вершитель истории, двигатель прогресса, лидер. Количество зафиксированных нами обращений к наиболее значительным персоналиям советского времени — Ленину, Сталину, Хрущёву, Брежневу — указывает на то, что именно они являются сейчас главными символами ассоциируемых с их правлением периодов истории. Встречаются сравнения (особенно в серьёзных трудах, исторических романах, мемуарах, философской литературе), в которых объектами сравнений выступают поступки названных исторических лидеров, их значительные деяния, например: *Можно себе представить, что мама Раиса, с её характером, могла «вычистить» (как Сталин вычистил партию, а вдова Достоевского – его*

письма) из семейного альбома «неканонические» фотографии (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха). При этом для обычного носителя языка больше актуальны не действия этих исторических персонажей и их влияние на историю нашей страны, а особенности, не имеющие политического значения:

- телосложение: *Как Сталин на Ялтинской конференции – только вместо брюха, естественно, выставляла вперед грудь* (Д. Симонова. Шанкр);
- особенности речи: *Не случайно и то, что именно корсиканец Наполеон, всю жизнь говоривший по-французски с выраженным акцентом (как Сталин по-русски), смог договориться с мятежной Вандеей* (ж. «Неприкосновенный запас»);
- поведение по отношению к членам своих семей: *Хотя твой папка наверняка способен отказаться от тебя — как Сталин от своего попавшего в плен сына* (В. Громов. Компромат для олигарха);
- мнения лидеров о различных явлениях: *Неужели, как Хрущев, считаете, что они не умеют рисовать?* (г. «Известия»);
- их бытовые черты, умения: *Никогда не садился за руль, как Брежнев* (Е. Светлова. Шофер особого назначения).

Используемые языковой личностью сравнения демонстрируют отсутствие пиетета к былым вершителям судеб. Теперь эти персоналии воспринимаются как простые люди, неоднозначные по характеру, не идеальные внешне. Возможно, именно такого восприятия не хватало им при жизни, в период правления.

При использовании объектов сравнений, отсылающих к советскому времени, ярко проявляется такая особенность, как их деидеологизация: объекты, некогда наполненные идеологическим смыслом, сейчас воспринимаются как нейтральные, аполитичные. Поэтому в образах как основные часто выделяются не идейные, а внешние качества, например: *Такой молодой, а все волосы уже порастерял. На дедушку Ленина похож* (т/п «Малахов+»). Часто использование при создании сравнительных конструкций символов, значимых в советскую эпоху, выглядит как подтрунивание и даже глумление над историческим наследием: *Марина плоская, как доска почёта* (г. «Моя весёлая семейка»); *Она вошла к нему и... разинула рот, как Родина-Мать на Мамаевом кургане* (Л. Соболева. Будет ночь — она вернётся...). В большинстве случаев такие сравнения позволяют себе авторы молодые, успевшие в новой обстановке отказаться от старых идеалов и, к сожалению, не успевшие приобрести новых.

Итак, культурные реалии, культурная ситуация оказывают значительное воздействие на сравнительные конструкции современного русского языка. Отрицательное восприятие основной частью общества всего, связанного с периодом советской власти (кстати, тщательно поддерживаемое и культивируемое современной властью), наложило отпечаток на использование современной языковой личностью образов советской эпохи в сравнительных

конструкциях. Анализ встречающихся в современном языке сравнений показывает, что наш современник воспринимает данную эпоху в большей степени отрицательно, чаще апеллирует к таким историческим фактам, как культ личности, репрессии, коллективизация, эпоха застоя, отсутствие гласности, бедность населения, дефицит товаров и т. п. Многие образы советской эпохи стали символами. При этом восприятие данного исторического периода отнюдь не однозначно. Ментальность современной языковой личности сочетает положительное и отрицательное отношение к объектам, связанным с периодом советской власти, идеологические апелляции и деидеологизацию.

Список литературы и источников

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. — С. 144 – 238.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2004. — 208 с.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Под ред. и с предисловием А.Е. Кябрика. — М.: Прогресс, Универс, 1993. — 655 с.
4. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. — М.: Наука, 1975. — 311 с.
5. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. — М.: Наука, 1988. — С. 173 – 204.